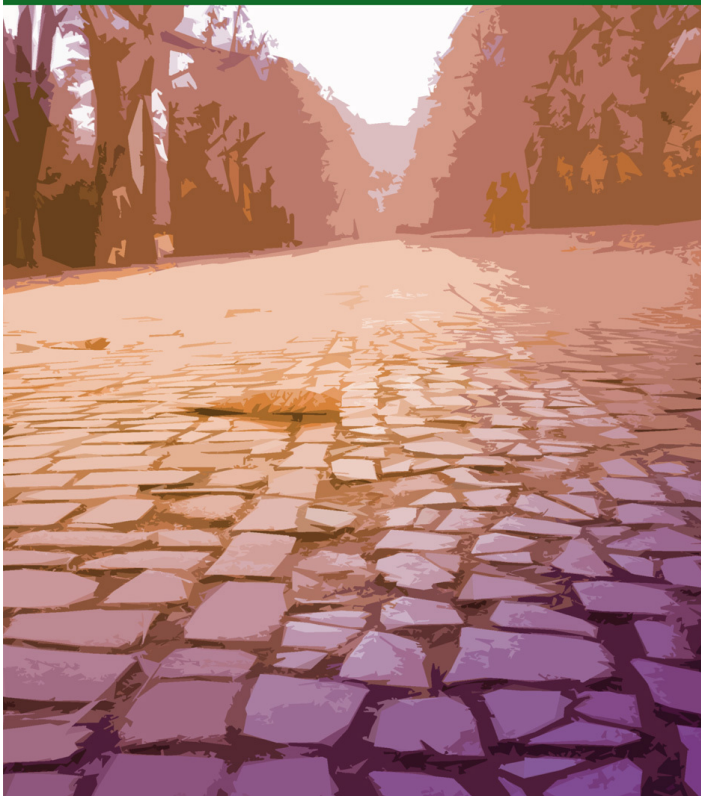

Борис Минаев

гений ДЗЮДО

Борис Дорианович Минаев
Гений дзюдо
Серия «Высокое чтение»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20613671
Гений дзюдо: Время; Москва; 2016
ISBN 9785969114081

Аннотация

Своя личная мифология, свой Олимп, свои боги и герои есть у каждого писателя. И в нашей отечественной традиции ("Детство" Льва Толстого, "Детство Темы" Гарина-Михайловского, "Другие берега" Набокова) и в современной западной прозе (новеллы и повести Уильяма Сарояна, Туве Янссон, Сью Таунсенд) – опознавательными знаками такой литературной мифологии всегда служили подробность и яркость каждой детали, глубина погружения в давно ушедший мир – сквозь мощную лупу психоанализа. Книга известного журналиста и писателя Бориса Минаева продолжает эту литературную традицию по-новому – милый и уютный мир "советского ретро" наталкивается здесь на подводные камни комплексов и иллюзий человека нового времени.

Содержание

Об этой книге	4
Брат	6
Куртка кофейного цвета	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Борис Минаев

Гений дзюдо

Об этой книге

Проза Бориса Минаева – нормальная детская классика. К этому надо привыкнуть уже сейчас, даже если кто-то не верит, что классику будущего пишут сегодня. Уверяю вас, дети двадцать первого века – счастливые последствия демографического подъема, к которому нас призывают, – будут читать «Гений дзюдо» и «Гения дзюдо» наравне с «Денискими рассказами», трилогией «Дорога уходит вдаль» и похождениями Вити Малеева. Тайна Минаева – и вообще любой хорошей детской книги, не сказочной, а самой что ни на есть реалистической, – в умении воспринимать ребенка как своего рода сверхчеловека. Это не какой-нибудь там недозрелый, а сверхзрелый, потому что нормальный двадцати-тридцатилетний человек не вынес бы событий такого масштаба. Его бы это убило. У Кушнера есть стихи о том, что ни один взрослый смельчак не вынесет такого страха, который ребенок выдерживает во время контрольной. Детство – огромное увеличительное стекло. У детства глаза велики. Все события до тринадцати-четырнадцати лет воспринимаешь с десятикратным, а то и стократным увеличением. Друг

не позвал на день рождения – катастрофа, у отца болит голова – конец мира, девочка хихикает – предательство. Никакие страсти потом не доводят человека до такого исступления и не оставляют таких глубоких шрамов. Вот про это и пишет Минаев. Его герои – титаны, мученики, борцы, первооткрыватели, спасители человечества, низкие лгуны, великодушные покровители, благородные разбойники. И мир в его книгах так же огромен, каким он бывает в детстве, и только в детстве. Мы ведь любим эту пору и тоскуем по ней не потому, что у ребенка все уж так хорошо. Напротив, его жизнь полна трагедий, подвигов, отчаяния, несвободы и борьбы. Но ценишь-то ведь не счастье, а масштаб, не комфортность, а первосортность. В детстве все самого высшего сорта, потому что в первый раз. Очень небольшое – запах осенних листьев, или цвет заката, или голоса во дворе, – способно вернуть нам то чувство масштаба, то есть самое подлинное ощущение детства. Времени, когда все еще было по-настоящему. Вот Минаев каким-то образом это сделал. Он вырос, то есть научился внятно рассказывать о пережитом и передуманном, – но мир вокруг него не уменьшился. Он так до сих пор и существует среди огромных лопухов и жуков, рядом с полубогами-родителями и героями-сверстниками. Поэтому его книгу будут читать и через двадцать, и через тридцать, и через сто лет. Дети – с благодарностью за понимание. Взрослые – с благодарностью за возвращение.

Дмитрий Быков

Брат

Однажды родители вошли в мою комнату, взявшись за руки, как маленькие дети. Такого, честно говоря, я давно уже у них не видел.

– Слушай, Лева, – сказал папа весело и как-то немного грубовато, – знаешь что... Нам тут с тобой поговорить надо.

Я посмотрел на маму. Она почему-то ужасно покраснела.

– Ты как насчет брата или сестры? – улыбаясь, сказал папа. – В смысле, хочешь братика или сестренку?

– Вот те на! – удивился я и тоже мучительно покраснел. – Вы чего, с ума, что ли, сошли? У нас же квартира маленькая, вы же сами говорили!..

Мама расстроилась. Она, конечно, ничего не сказала, но расстроилась.

– Я же тебе говорила, – прошептала она. – А ты не верил.

Папа досадливо поморщился на эти ее слова и сказал:

– Лева, я что-то тебя в буквальном смысле не узнаю. Ты что, против, что ли?

Тут я все понял, отвернулся и сказал:

– Ничего я не против. Как я могу быть против брата или сестры? Просто вы меня не спросили и спрашивать не собирались. Понятно?

Папа сел на мою кровать и растерянно потер руки.

– Лева! – сказал он. – Ну зря ты. Напрасно ты так. Ну

подумай сам, как я мог тебя спросить?

Тут папа тоже мучительно покраснел.

– Сима, хватит! – сухо сказала мама. – Давай оставим его одного. На некоторое время.

* * *

И я остался один. На некоторое время.

...Мысли в голове вертелись довольно странные.

Им меня мало. Мало им меня.

Во дворе большими унылыми кругами ходил Колупаев. Он смотрел в мою сторону, но я точно знал, что с наступлением темноты через окно меня не видно – только темное стекло, и все. А свет я не зажигал.

Не хотелось.

«Уйду, на фиг, из дома. Пусть тут занимаются чем хотят», – угрюмо думал я.

Стыд сменился другим чувством – унылым равнодушием. Я вдруг понял, что для родителей, раз они решили завести маленького, я – уже не маленький. Напротив, я для них – уже совершенно большой.

Мне не хотелось быть большим. Большие вечно должны кого-то о чем-то спрашивать, куда-то идти и чего-то добиваться. А я этого ничего не хотел. С другой стороны, маленьким сюсюкающим ребенком я уже тоже быть не мог.

Я лег на кровать и стал вспоминать что-то смутное, дав-

нее.

Вспомнилась только какая-то соска, бутылка.

Тьфу.

* * *

Я вышел в большую комнату.

– А я думала, ты спишь! – испуганно сказала мама.

– Мам, можно я пойду погуляю? – сухо спросил я.

– Иди! – так же испуганно разрешила она. – Только недолго, пожалуйста. А то уже темно, я буду волноваться.

– Да ладно, – буркнул я себе под нос, зашнуровывая ботинки. – Будет она волноваться.

Двор был пуст. Колупаев, не дождавшись меня, ушел. Впрочем, это, наверное, было даже лучше. Я присел на лавочку и поразился. Передо мной был какой-то совершенно новый мир. Одинокие машины гоняли по одиноким улицам. Одинокая луна висела в одиноком небе. Все вокруг были тоже совершенно одинокими, – если посмотреть на вещи более глубоко.

Одинокая кошка грелась возле котельной.

Я посидел еще немножко и пошел домой.

* * *

Папы не было, он куда-то ушел. Мама сидела в темноте и одиноко смотрела телевизор.

Я подошел к ней и сказал:

– Мам, прости меня, пожалуйста. Все будет хорошо.

Она посмотрела на меня молча и ничего не ответила.

* * *

...Мама лежала в больнице два раза. Первый раз – весной, почти сразу после того дня, когда они со мной объяснились.

Тогда она лежала недолго, может быть, всего неделю.

В первый же холостяцкий вечер папа вдруг посмотрел на меня внимательно, а потом сказал:

– Короче, Лева, знаешь что, давай-ка будем друг другу помогать.

– В каком смысле? – удивился я.

– Во-первых, в смысле не ныть. Во-вторых, в смысле не жаловаться на еду. В-третьих, в смысле не жаловаться маме. В-четвертых, в смысле помыть посуду и сбегать в магазин, если попросят.

– Чего-то очень много смыслов, – недовольно ответил я. – Может, сделаешь поменьше?

– Это вряд ли, – сухо сказал папа. – Вообще-то он один, смысл. Просто я уж так расшифровал для тебя. По дружбе.

Папа поставил передо мной тарелку с двумя вареными сосисками, куском черного ржаного хлеба и половинкой помидора.

– Ешь, – сказал он. – Ужинай. Это пока самое главное. Об остальном потом.

Я съел первую сосиску и сказал:

– Пап, знаешь что, давай начистоту.

– Давай! – согласился он и поставил перед собой тарелку с тем же блюдом.

– Пап! – сказал я. – Ну вот скажи: зачем вы стали меня спрашивать? И вообще, неужели ты думаешь, что я не понимаю таких простых вещей?

– Каких? – сказал папа, с аппетитом проглатывая вторую сосиску.

– А таких, что мое мнение вас совершенно не интересует.

– Понимаешь, Лева, – задумчиво сказал папа, – есть вещи, которые нужно принимать такими, как они есть. Без всяких яких.

Мы немного помолчали и стали есть.

– Что-то ты тоже не очень рад, – сказал я и положил в рот кусочек черного бородинского хлеба, предварительно посыпав его солью. – Мама в больнице, ты тут со мной мучаешься. Я бы вообще на твоём месте не стал заводить второго ребёнка. Впрочем, это, конечно, твое личное дело.

Папа как-то странно хмыкнул и весело взглянул на меня.

– Вот я посмотрю на тебя, когда ты сам станешь большой, – сказал он, притворно вздохнул и полез в холодильник за новой порцией сосисок. – Будешь еще?

– Не буду, – строго сказал я, хотя сосисок, честно говоря, очень хотелось.

– Ладно. А то я что-то проголодался.

Пока сосиски медленно варились в булькающей воде, папа по-прежнему как-то странно смотрел на меня.

– Да ладно тебе, папа! – недовольно сказал я. – Все нормально. Да, и вот еще что. Когда я буду большой, у меня, наверное, не будет ни жены, ни детей.

– Это почему? – как-то обиженно спросил папа.

– Ну не знаю, – пожал я плечами. – Обойдусь вообще как-нибудь.

– Не обойдешься, – сказал папа. – Никто без этого не может обойтись. Ни один человек в мире.

– А вот и неправда! – сказал я. – Зачем ты врешь?

Вся кухня наполнилась вкусным запахом вареных сосисок. А папа еще, как назло, полез в холодильник и достал из банки пару маринованных огурцов.

– Понимаешь, – сказал он, – бывает, конечно, по-разному. Но я бы хотел, чтобы у тебя все-таки были жена и дети. Ну хотя бы один такой вот симпатичный ребенок, вроде тебя.

– Пап! – сказал я. – Но ведь от детей одно мученье! Они все время болеют! Они все время куда-то там пропадают!

Скажи честно, зачем вам, взрослым, вообще все это нужно?

– Знаешь что, Лева! – сказал папа, вылавливая сосиску из кастрюли. – Во-первых, я не могу ответить на все твои вопросы сразу. Для этого нужна не голова, а целая синагога. А во-вторых, я не могу, когда люди смотрят на меня вот такими голодными глазами. Возьми себе половину сосиски и один огурец.

* * *

Во второй раз мама лежала в больнице глубокой осенью. Уже начались заморозки. Грязные листья заледенели в лужах. Папа хлюпал носом. Он даже перестал смотреть телевизор. Мама лежала в больнице очень долго. Мне кажется, то ли два, то ли три месяца.

За это время я уже почти ко всему привык.

Я привык к постоянной мысли о том, что у меня скоро будет брат или сестра.

Я привык к тому, что тетя Маруся с первого этажа, которая когда-то была моей няней, приходит и варит нам борщ. Привык к тому, что папа сидит и грустно смотрит в одну точку.

К одному только я привыкнуть никак не мог – к полному отсутствию мамы!

«Скорей бы уж она рожала кого-нибудь, что ли», – тоскливо думал я.

Без мамы было не то чтобы скучно, а как-то пусто. Все лежало не на своих местах. Папа ходил с одинаково озабоченным выражением на лице и никогда не веселился. Довольно часто приезжала тетя Роза, как она говорила, «присмотреть за мной». Эти ее визиты, в отличие от прежних, мне совершенно не нравились. Вместо того чтобы посидеть, поговорить, как-то успокоить, тетя Роза деловито отправлялась на кухню и начинала греметь там кастрюльками.

– Чем же это вы тут питаетесь? – возмущенно говорила она. – Я этого совершенно не понимаю! Одними сосисками, что ли?

Затем тетя Роза начинала что-то готовить и уже напрочь забывала обо мне.

– Значит, так! – говорила она строго, выйдя из кухни. – Я вам там сварила гречневой каши с жареным луком на три дня. Вы ее обязательно съешьте! А то этими сосисками вы окончательно испортите себе желудки. А они у вас и так ни на что не годятся. Тебе все понятно?

– Тетя Роза! – говорил я. – Побудь со мной, пока папа не придет. Поможешь мне уроки поделать. А?

Тетя Роза жалобно смотрела на меня, но затем опять делала строгое лицо:

– Не могу я тут с тобой расслаживаться. Не маленький уже. Привыкай к самостоятельности, ты теперь не просто мальчик, а уже почти старший брат. Мне Таньку из музыкалки надо встречать. Не вздыхай, пожалуйста. Ну... ну все, пока!

Тетя Роза как-то судорожно накидывала плащ и судорожно захлопывала за собой входную дверь.

И я еще долго слушал и нюхал тишину, оставшуюся после нее. Тишина пахла гречневой кашей и духами. И женской одеждой.

И еще чем-то.

* * *

Кастрюлька с гречневой кашей лежала на диване, под подушкой, завернутая в старый мамин шарф и в газету.

Тетя Роза, наверное, надеялась, что так она простоит теплая аж до вечера, до папиного прихода. Но я с отвращением вынимал ее из-под подушки и выносил кастрюльку на кухню, ставил на плиту, как есть, прямо в газете.

Честно говоря, гречневую кашу я просто ненавидел.

Ну, может быть, не любил.

В общем, относился к ней достаточно равнодушно.

Потом я медленно шел в свою комнату, включал яркий электрический свет и садился за письменный стол лицом к окну.

Там, в окне, начинался вечер и ждали во дворе мои друзья. Но с какого-то момента я почти перестал выходить во двор. Выходить во двор, зная, что дома тебя никто не ждет, было почти физически невозможно.

Вечер проникал в комнату всякими нехорошими мысля-

ми и дурными предчувствиями.

А вдруг с мамой там, в больнице, что-нибудь случится?

А вдруг папа придет совсем поздно?

Во сколько мне тогда ложиться спать? Ну, и так далее...

В эти вечера меня спасал только телевизор. Я садился перед ним и смотрел все подряд. Иногда засыпал прямо в кресле и просыпался только в тот момент, когда папа поворачивал замок в двери.

В густой темноте раздавался его встревоженный голос:

– Лева! Ты где?

– Я здесь, пап... – говорил я, усиленно протирая глаза. – Я тут сижу возле телика.

– А чего свет не включаешь?

– Зачем зря электричество жечь, – мудро говорил я, и папа усмехался. Он брал меня под мышки и подбрасывал вверх.

– Какой же ты тяжелый стал! – говорил он удивленно. – Скоро я тебя вообще не смогу поднять.

– Ну и не надо, – угрюмо говорил я. – Там есть гречневая каша на кухне. А я уже спать пошел. Ладно?

– Ладно, – говорил папа. – Ладно... Иди.

* * *

Так медленно тянулись наши холостяцкие деньки. Но вот однажды папа решил взять меня к маме в больницу.

Сам-то он ездил туда чуть ли не каждый день. Привозил

ей всякие вкусные и полезные продукты и так далее. А меня, «чтобы не таскать на другой конец города», с собой не брал.

Честно говоря, я не знал, как теперь выглядит мама, и боялся встречи.

Но все оказалось очень даже хорошо. Мама выглядела нормально. Она была веселая и бодрая.

Мама медленно ходила в длинном и просторном халате. Я этого халата на ней никогда не видел. Обычно она носила довольно короткий.

В коридоре, где она нас ждала, было совсем не грустно. Вокруг ходили странные смешные тетки с огромными животами. Я чуть не расхохотался, когда их увидел. В окна были видны заснеженные елки в парке, прямые аллеи, фонари, сугробы, и даже обычные жилые дома в конце парка смотрелись весело, сияя огоньками, как на Новый год.

– Новый год скоро, – сказала мама и со значением посмотрела на меня.

– Ну и что? – удивился я.

– А то. Не успею я родить до Нового года, понятно?

– Ну ладно... – сказал я. – Значит, без тебя встречать будем.

– Левка! – твердо сказала мама. – Ты поедешь в зимний лагерь. И без всяких возражений. Папа возьмет путевку на работе. Поиграешь там в хоккей недельку. Ничего с тобой не случится.

Незнакомых людей в большом количестве я вообще пере-

носил с трудом. Тем более незнакомых людей моего возраста.

Но деваться было некуда. Я кивнул и подумал про себя, что ехать еще не скоро. Вдруг она успеет родить до 31-го? Так же бывает.

Мама заговорила с папой о чем-то непонятном. Я заскучал и пошел к окну поближе посмотреть на парк.

Парк был чудесный. Мне почему-то показалось, что в нем обязательно живут белки.

За моей спиной разговаривали две тетki с большими животами.

– Я, главное, боюсь, чтобы ребеночка не подменили. В смысле, не перепутали.

– Да ну, ерунда! – говорила другая. – Этого бояться не надо. Хоть бы разрезали нормально. И чтобы ногами не пошел.

Я похолодел от ужаса и повернулся к маме.

Она почему-то улыбалась, глядя на меня глазами, полными слез.

– Лева, – сказала она. – Ты, пожалуйста, не мучай папу. Он и так очень старается. Ладно?

Мы возвращались через пустырь, и ветер противно дул в лицо. А над нами светили огромные холодные звезды.

* * *

Вечером 31 декабря папа подарил мне игрушечную дву-

стволку. Это был роскошный подарок. Ружье можно было сложить, как духовушку в тире, после чего оно хлопало двумя шариками, которые вылетали сразу из двух стволов, хотя и были привязаны за ниточки.

Я немножко похлопал ружьишкой, съел салат оливье, который папа заранее купил в кулинарии, выпил даже глоток шампанского из папиного фужера и часов в десять пошел спать.

В полседьмого папа меня разбудил, одел, и мы вышли на страшный мороз. Изо рта валил густой дремучий пар.

– А если мама раньше родит? – спросил я.

– Молчи, а то простудишься! – недовольно сказал папа. – Родит раньше, тогда я тебя заберу. Но лучше будет, чтобы все шло по плану.

Я кивнул и взял папу за руку, чтобы не поскользнуться.

Первого января в семь утра можно идти по городу хоть целый час и не встретить ни одной живой души, кроме милиционера! Милиционер стоял напротив Краснопресненского универсама и топал огромными черными валенками. Изо рта у него тоже валил густой дремучий пар.

– Мне бы такой тулуп, – сказал папа. Он забыл дома перчатки и все время дул на левую руку, а правой держал мою, в варежке.

– Давай я тоже варежку сниму! – предложил я.

– Не надо! – буркнул папа, почти не открывая рта, и мы пошли дальше: вниз по улице Заморенова к метро «Крас-

нопресненская», причем идти было далеко, минут двадцать, потому что трамваи совершенно не ходили, а станции метро «Улица 1905 года» тогда еще и в помине не было.

Наконец папа привез меня на «Автозаводскую». Там стояли автобусы, которые грели моторы и вонюче дымили. И маленькая кучка незнакомых людей моего возраста.

К нам подошла какая-то тетя, замотанная в платок до такой степени, что не было видно никакого лица, и отчаянно громко крикнула:

– С Новым годом, ребята! Первый отряд! Садитесь в автобус! Там посчитаемся.

Папа торопливо пожал мне руку и побежал обратно к метро.

* * *

Зимний лагерь я помню очень смутно.

Нам показывали какое-то кино, водили на какие-то концерты, устраивали бег в мешках и что-то еще очень веселое.

Я все время думал о маме и о том, что же будет со всеми нами, когда она родит.

И еще я сидел в палате, читая какую-то не очень интересную книжку. В хоккей меня не брали, потому что я не привез клюшку. Оказывается, всем надо было привозить клюшки, но папа почему-то об этом не знал. К тому же здесь все катались на коньках, а я не умел.

Поэтому я сидел в палате, читал, думал и просто ждал, когда кончатся эти бесконечные каникулы.

Естественно, меня заметили какие-то двое и стали ко мне приставать.

– Лева! – сказал один. – Ну чего ты тут сидишь? Самый умный, что ли? Давай играть в карты!

– Я не умею, – сказал я и тускло посмотрел мимо них.

Они попытались научить меня играть в очко, но у них ничего не вышло.

Тем не менее они почему-то считали, что я уже попал под их дурное влияние, и ночью разбудили меня, чтобы вместе жрать варенье и рассказывать всякие истории.

Именно там, в грязном коридоре, где сушились клюшки и коньки, под запах мокрых варежек, рядом с тумбочкой, на которой стояла банка чужого варенья, я узнал значение некоторых слов и некоторых понятий.

Все это я понял довольно смутно, поскольку время было позднее, первый час ночи, да и вообще новые друзья не вызвали во мне глубокого доверия, и тем не менее, судя по тому, как бросился жар в лицо и как учащенно стало биться сердце, – они рассказывали что-то, что было на самом деле.

Потом я долго шептал в темноте слова каких-то стишков и песен, которые мгновенно запомнил, пытаюсь вообразить себе, как же это все происходит в жизни.

Но больше всего меня поразило то, что именно от этих слов и понятий, ими обозначаемых, и происходят в мир дети.

– Ну ты чего, не знаешь, что ли? – скептически сказал один из них. – Ну они, то есть мужики и бабы каждую ночь... это самое... и потом у них... это самое... ребеночек через девять месяцев. Понял?

Из палаты вышел здоровый парень, выше нас раза в полтора, и, протирая глаза, прогнал спать.

Но я еще долго лежал в темноте и не мог заснуть.

* * *

Утром за мной приехал папа.

Он сухо попросил меня поскорее собрать вещи и вышел в коридор. Когда я собрался и выскочил следом с сумкой, он как-то странно нагнулся ко мне, поцеловал и прошептал прямо в ухо:

– Лева! У тебя брат родился! Ты понимаешь?

Я прижался лицом к его мокрому пальто и хотел заплакать. Но почему-то не смог. Наверное, стеснялся тех двоих. Они прилипли к дверному стеклу и смешно прижались к нему носами.

На улице опять шел снег, а рядом с корпусом нас ждала машина «Волга».

Мы ехали долго, застревая в снегу и разбрызгивая страшную грязь, а я все никак не мог представить себе своего брата. В Москву въехали, когда стало уже почти совсем темно.

Я терпеть не мог такси, меня в нем укачивало. Но шофер

пару раз остановился по папиной просьбе, и все обошлось.

Папа как будто боялся опоздать. Хотя маму он привез из родилки еще вчера, о чем рассказал мне в машине. Вообще же мы ехали молча, только шофер нервно курил и иногда опускал стекло, чтобы сплюнуть. Когда папа расплатился какой-то крупной купюрой, он молча отсчитал сдачу, круто развернулся и рванул с места, наверное, очень недовольный тем, что пришлось мотаться за город.

Мы поднялись в лифте, и папа влетел в квартиру первым.

Я переступил порог и чуть-чуть постоял в прихожей. Из комнаты доносились голоса. У нас, наверное, кто-то был в гостях.

И еще я заметил, что в комнате все вещи как-то странно сдвинуты и стоит детская кровать – значит, папа привез ее в мое отсутствие.

– Лева, ты где? – крикнула мама.

Я вошел и зажмурился.

Под ярким светом настольной лампы, в кровати, на расстеленной пеленке, лежал совершенно голый маленький человек и смешно орал.

– Как его зовут? – спросил я тихо.

Мама подошла ко мне. Она была какая-то изможденная и даже немножко на себя не похожая.

– Знаешь, он рычит как медведь, – сказала она. – Помому, ему подходит его имя.

– Как его зовут? – тупо повторил я.

– Мишка, – просто сказала она. И тогда я встал на колени, чтобы было удобнее, просунул ладонь сквозь прутья и потрогал его теплый живой палец.

С этого дня в нашей квартире буквально все пошло по-другому.

Ночью меня будил Мишкин голос. Он орал, а потом постепенно, не сразу замолкал.

Днем мама дремала или кормила его грудью, почти не стесняясь меня.

К нам все время приходил врач, а папа уходил рано с утра на молочную кухню.

Папа вообще был довольно нервный. Он волновался за Мишкино здоровье, за мамино здоровье и почему-то за мое здоровье тоже.

– Лева! – говорил он мне на кухне, когда мама спала. – Сейчас у нас трудное время. Ты должен нас простить. Мы не уделяем тебе, наверное, достаточно внимания.

– Да ладно, папа... – удивленно отвечал я ему. – Все нормально. Ты сам давай смотри... это... ну, в общем, ты меня понимаешь.

– Я тебя понимаю! – горячо говорил папа. – Я тебя прекрасно понимаю. Но и ты меня должен понять.

– Пап! Я тебя тоже понимаю! Но это же временные трудности. Все наладится.

– Все наладится, да? – с надеждой спрашивал он меня.

И я неуверенно кивал.

Был ли я действительно уверен в том, что все наладится? В общем-то, да.

С тех пор как мама вернулась, несмотря на полный бедлам, на переставленные вещи, на папино нервное настроение и на постоянное пичканье меня манной кашей, несмотря на тошнотворный запах вареного молока, несмотря на мамино недосыпание и недоедание, несмотря на Мишкины поносы и запоры, – все вдруг стало постепенно налаживаться.

Как оно налаживается я, честно говоря, совершенно не понимал.

Но оно налаживалось!

Окончательно оно наладилось к весне, даже к маю, когда мама в первый раз попросила меня погулять с Мишкой.

– Иди-ка с братом погуляй! – сказала вдруг она. – А я тут пока нормальный обед приготовлю... А то вы без борща совсем бешеные стали.

– Мама, – ответил я, совершенно пораженный и обескураженный ее словами. – Во-первых, мы и дальше можем спокойно обходиться без борща. Если надо. А во-вторых, как ты себе представляешь эту прогулку? Где я с ним буду гулять? Во дворе, что ли?

– Зачем во дворе? – спокойно сказала мама. – Перейдешь дорогу. Там побудешь в сквере, на лавочке. Хотя бы минут сорок. А то погода вон какая хорошая, а вы у меня все дома сидите и сидите.

– Мама, – честно сказал я. – Я боюсь!

– Не надо бояться, Лева! – сказала мама и стала сама надевать на меня куртку. – Не надо бояться. Входишь в лифт с коляской, складываешь коляску, нажимаешь на кнопку. Потом выходишь из лифта, раскладываешь коляску, закрываешь дверь. Потом тихо-тихо везешь по ступенькам коляску. Ногой открываешь дверь. Рукой придерживаешь. Если что, попросишь кого-нибудь помочь. Привыкай, Лева. Ты все понял?

Конечно, и я, и мама хорошо знали, чего именно я боялся больше всего – слишком пристального внимания со стороны моих друзей во дворе.

Но надо же было такому случиться, что все они куда-то исчезли как раз в тот момент, когда я вышел из дома! Я спокойно и деловито пошел, толкая коляску с братом впереди себя, прочь со двора. И, воровато оглянувшись, перешел улицу Трехгорный вал.

Затем я оказался в родном скверике, сел на лавочку и сразу увидел Колупаева.

* * *

Колупаев подошел ко мне, чинно пожал руку и вежливо заглянул в коляску.

– Твой, что ли, брательник?

– Ну да, – неохотно подтвердил я. – Мишкой звать. Спит.

– Понятно, – сказал Колупаев. – А то я вижу, тебя все нет

и нет. А ты, значит, это... в няньки подался.

Повисла тяжелая пауза.

– Как он вообще... Ведет себя как? – вдруг поинтересовался Колупаев.

Я недоверчиво посмотрел на друга. Но Колупаев смотрел на меня, бесхитростно моргая белесыми ресницами, и в его взгляде не было никакого подвоха.

И тогда я понял, что должен отвечать солидно и спокойно.

– Нормально ведет, – поджал я плечами. – Орет только много. Спать не дает, гад.

Мы еще немного посидели.

– Ладно! – сказал Колупаев. – Давай. До встречи. Долго еще тебе?

– Примерно полчаса, – сказал я.

Колупаев ушел, вразвалочку шагая по зеленой аллее. А я вдруг увидел сразу, какой вокруг чудесный майский день. Как пахнет наша молодая листва, и как бьет через крыши наше солнце.

Я послушно досидел с братом еще тридцать пять минут.

Быстро перевез коляску через трамвайные пути. Поднялся на наш шестой этаж. Позвонил в дверь.

Мне открыла мама, вытирая мокрые руки о фартук.

– Мам! – заорал я. – Можно я теперь пойду во двор погуляю? А? Очень погода хорошая.

– Иди! – сказала она и улыбнулась. – Иди. Только приходи не поздно. Я тебя еще научу пеленки стирать.

* * *

И я побежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Двор ждал меня, пустой и прохладный. Весь такой солнечный.

Я стоял и смотрел на наш двор. На наш маленький двор с колясками и мамашами, с пенсионерами на лавочках, с бродячими кошками и мокрым весенним мусором в углах.

Я стоял и не понимал, что же случилось. Что же со мной случилось.

Потом отошел от дома на несколько шагов и посмотрел на наши окна.

Куртка кофейного цвета

В детстве я очень не любил покупать одежду. Это была просто беда. При виде магазина с одеждой я начинал ныть, скулить и изворачиваться, как уж. Иногда мама покупала что-то и без меня. Но это было весьма рискованно. Я мог просто отказаться носить новую одежду, потому что очень любил старую. И занасивал ее просто до умопомрачения.

Но в какой-то момент умопомрачение кончалось. И тогда мама говорила максимально строгим голосом:

– В чем ты ходишь, а? Какой кошмар! Просто оборванец какой-то. Нищий. Мне стыдно с тобой по улицам ходить! Завтра мы идем с тобой в магазин. Без всяких разговоров! Ты меня хорошо понял?

* * *

И мы шли. Мы шли по Трехгорному валу, затем переходили через улицу Красная Пресня в ее самом широком месте, затем мы подходили к огромному дому на площади, который и был Краснопресненским универмагом.

Я помню, как мама помедлила, собираясь с духом, затем она вздохнула, крепко взяла меня за руку и повела внутрь.

Никогда не забуду того чувства, с которым я впервые переступил этот волшебный порог! В магазине играла музыка, на полках и полочках виднелись различные товары, от прилавка к прилавку медленно и чинно ходили люди, а в центре зала, в самой его середине стоял милиционер.

Здесь были фарфоровые сервизы на шесть и на двенадцать персон, ножи столовые, чайники электрические со шнуром, утюги, наборы банок для сыпучих продуктов, атласные подушки и верблюжьи одеяла – всего теперь и не упомнишь...

Честно говоря, мама еще никогда не покупала мне новые вещи в таком огромном магазине.

– Не верти головой, – попросила она. – Тут потеряться можно запросто. Ищи тебя потом по всем закоулочкам.

Мы уже подошли к огромной высокой лестнице, как вдруг мамин взгляд случайно упал на стеклянную вазу с голубым рисуночком.

– Лева, а как ты думаешь, нам нужна такая ваза? – дрогнувшим голосом спросила она меня.

Я лишь равнодушно пожал плечами.

– Ну ладно, это потом, – твердо сказала мама и уже взяла меня за руку, как вдруг опять ее отпустила и сделала несколько нетвердых шагов к прилавку. Вернулась она отту-

да довольно быстро и выглядела слегка бледной.

– Что с тобой? – участливо спросил я, как хороший сын.

– Со мной ничего! – твердо и ясно ответила она. – А вот у них что-то явно с головой не в порядке. Пятнадцать рублей за какую-то вазу!

– Слушай, не хочешь – не покупай, но ругаться-то зачем? – зашипел я. – Кстати, нам действительно нужна такая ваза.

– Знаешь что, ты меня не учи, ученый выискался, – нахмурилась мама. – И вообще, нам, между прочим, с тобой нужно на третий этаж, в детский отдел. Нам с тобой нужна одежда, а не товары массового спроса.

* * *

Мы долго поднимались с мамой на третий этаж, крайне недовольные друг другом. Так, вяло и неохотно, мы дошли до отдела детской одежды.

– Вас что интересует, женщина? – громко спросила скукающая продавщица.

– Куртка демисезонная, вот на него... есть? – робко спросила мама, зачем-то подтолкнув меня в плечо.

– Сюда подойдите, – так же громко и лениво сказала продавщица. – Размер какой, сорок – сорок два? Ну, вот эту модель посмотрите, примерьте на мальчика, как на нем сидит.

Мама осторожно и медленно сняла куртку с вешалки и

надела на мои плечи. Куртка страшно шуршала и странно пахла. Это была абсолютно чужая вещь дикого бледно-оранжевого цвета.

– Ну прям на него! – радостно изумилась продавщица.

Я решительно снял куртку и отдал ей в руки.

– Ты чего, Лева? – испугалась мама. – Цвет не нравится?

– Мне все не нравится, – сурово сказал я и ткнул пальцами в черную куртку с блестящими морскими пуговицами. – Вот эту дайте посмотреть.

– Твоего размера, наверное, нет, – подозрительно сощурилась на куртку продавщица. – Потом эта модель дорогая, а маме, наверное, нужно подешевле. Правильно я говорю, мамаша?

– Мам, я хочу померить! – громко сказал я.

Мама долго разглядывала этикетку. Потом она молча протянула мне куртку и подозрительно уставилась на мое отражение в зеркале...

– Да! – вздохнула продавщица. – Великовата! А так, конечно, смотрится неплохо. В общем и целом.

– На вырост купим! – упрямо сказал я и начал застегиваться.

Мама стала медленно краснеть.

– Послушай, – сказала она. – Объясни, пожалуйста, зачем тебе эта мрачная взрослая куртка, к тому же не твоего размера? Лева, ты меня слышишь? Или ты меня не слышишь?

Я молча стоял и смотрел в мутное зеркало – на кончики

пальцев, которые еле-еле высовывались из рукавов. В первый раз в жизни мне понравилась какая-то одежда! И вот на тебе!

...Это была великолепная, почти военная форменная куртка из плотного шерстяного материала с блестящими пуговицами, в которой я утопал, как в дворницком ватнике, нет, как в матросском бушлате, и ее прямой негнувшийся воротник остро резал мне подбородок.

– Больше-то ничего нет? – умоляюще спросила мама.

Продавщица пожала плечами и показала на какие-то девчачьи куртки неопределенно-розового цвета, которые висели рядом с той бледно-оранжевой. Затем она неожиданно исчезла, будто растворилась в тумане.

Мама тяжело взглянула на меня и отвела за руку в какой-то угол. В углу военный человек пожилого возраста мерил ботинки, кряхтя и постанывая.

– Лева! – громким шепотом сказала мама. – Ты проявляешь просто какое-то невиданное упрямство. Я бы с удовольствием купила именно то, что тебе нравится! Но пойми, эта куртка тебе не по росту! Ты можешь это понять или нет?

* * *

Я оглянулся вокруг.

Здесь было слегка темновато и немного пахло туалетом. Люди деловито поднимались и спускались по лестнице, осто-

рожно обходя нашу с мамой композицию: мама на корточках и я, отвернувшийся от нее. Наверное, всем было ясно, что здесь происходит вечная борьба добра со злом, и никому не хотелось в нее вмешиваться.

Лично мне не хотелось быть ни злом, ни добром, и было довольно стыдно, что мама сидит на корточках, даже не подобрав полы пальто. Но носить бледно-оранжевую куртку, шуршащую, как на девчонке, было выше моих сил. И вдруг произошло чудо.

Вернее, сначала я не понял, что это чудо. Сначала я думал, что это какая-то ерунда. Кто-то звал маму:

– Женщина! Я вам говорю, женщина! Идите сюда!

Мама растерянно оглянулась.

– Женщина! – снова зашипела толстая тетка с добрыми глазами навывкате и ярко накрашенными губами. – Пойдемте, женщина, я вам кое-что покажу.

Мама встала и, неуверенно оглядываясь, сделала шаг навстречу доброй вестнице с яркими губами и в цветном платке на плечах.

– Вам куртка детская нужна? – тихо и страстно заговорила вестница, подойдя к маме совсем близко. – Пойдемте в туалет, я вам там покажу. Хорошая, польская. И цвет приятный. Типа кофе с молоком. Кофе с молоком любишь? – ласково обратилась женщина ко мне.

Я пожал плечами...

На лице у мамы отразилось подлинное смятение.

– Ну иди посмотри, – сказал я, чтобы прекратить ее душевные муки. – Я тебя здесь ждать буду.

Мама неуверенно кивнула и понуро удалилась вместе с теткой в платке за дверь женского туалета. А я остался ждать...

* * *

Ждать пришлось довольно долго.

Я потоптался немного на лестничной площадке. Здесь все время ходили люди и вообще было довольно неудобно. Простояв в мучительно-неподвижной позе возле окна несколько минут, я решил вернуться в торговый зал, где мы с мамой только что мерили разные куртки.

Однако и здесь мне не понравилось. Тетка-продавщица из отдела детской одежды все время подозрительно посматривала в мою сторону, а когда я подошел к отделу женского белья, все женщины просто разом уставились на меня и начали пристально рассматривать, как будто я и был тот самый лифчик или чулки, за которыми сюда приходят.

Тогда я стал медленно спускаться с третьего этажа на второй. Тут было царство суровой мужской красоты. Строгими рядами висели темные мужские костюмы, на специальных вешалках со штрипками – брюки, а еще чуть поодаль – плащи и пальто. Точно в такой одежде всю жизнь ходил мой папа – не примерно в такой, а именно в такой, – потому что

всю жизнь папина одежда выглядела как новенькая.

* * *

...Например, я никогда не мог вытерпеть до конца, когда папа чистил щеткой плечи пиджака или пальто. Он стоял в прихожей перед зеркалом и внимательно смотрел на себя, а потом брал щетку и начинал счищать пылинки с плеч. А потом еще просил меня, чтобы я пару раз для порядка провел ему щеткой по спине.

– Зачем ты это делаешь, пап? – спросил я его однажды, уже совершенно устав смотреть на эти его приготовления к выходу из дома.

– Такой порядок, – сухо ответил папа и стал медленно, аккуратно застегивать пуговицы.

– Ну почему же ты не в отца пошел? – иногда с горечью спрашивала меня мама, когда я возвращался с улицы, весь мокрый, грязный и очень довольный. – А в кого? – горестно вопрошала она саму себя и уходила в ванную – застирывать и замачивать то, что я стаскивал с себя прямо в прихожей, чтобы «не нести грязь в дом».

Запах папиной одежды я помнил хорошо. Поэтому, когда я подошел ближе к длинным рядам, на которых висели темные болгарские костюмы и драповые пальто с меховыми воротниками, мне сразу показалось, что это папина одежда. Только без папы.

– Парень, ты кого потерял? – спросил меня мужчина-продавец, крепко взяв за руку.

– Никого! – я вырвался и быстро побежал еще ниже, на первый этаж. Продавец что-то кричал мне вслед. Я даже не заметил, как толкнул какую-то тетю. Тетя несла огромный, завернутый в плотную бумагу сверток. Я воткнулся ей в бедро, и сначала она слегка покачнулась, застыла в неудобной позе, как будто задумалась о чем-то, а потом вдруг начала садиться на попу, выпустив сверток из рук, и оттуда что-то покатилося с глухим стуком, медленно перекатываясь со ступеньки на ступеньку, а я побежал вниз, проталкиваясь сквозь толпу, к самому выходу...

Двери Краснопресненского универмага медленно и неохотно распахнулись передо мной. И я опять оказался на площади.

* * *

Было уже довольно темно. Проносились одинокие машины, светили фонари, красиво поблескивал окнами пьяный магазин, как раз через дорогу от меня. Я уже представил себе, как побегу на зеленый свет, пронесусь мимо улицы Заморенова, мимо магазина «Башмачок»...

Впереди мелькнул призывно зеленый зрачок светофора, я уже сделал первый шаг – и, конечно, сразу остановился. Мама!

Как же я забыл о маме? Ведь она со своей польской курткой уже, наверное, избегалась и изнервничалась там, наверно, на третьем этаже. Сколько, интересно, прошло времени?

Двери Краснопресненского универмага вновь медленно и неохотно распахнулись передо мной, и я сразу очутился в ужасном людском водовороте.

Водоворот взял меня и тихо-тихо потащил к неизвестному мне месту. Я не сопротивлялся. Я сразу понял, что очутился в центре главных событий. И точно. Возбужденные локти, плечи и животы теснили меня все глубже и глубже в центр этих самых событий.

– Чешский хрусталь выкинули! – крикнул кто-то позади меня. Я с ужасом представил себе, как небритые рабочие выкидывают на заднем дворе деревянные ящики с битым чешским хрусталем. Но тут же понял свою ошибку. Сквозь шуршащие женские плащи и крепкие мужские спины я вдруг увидел, как что-то ярко и необычно блеснуло впереди, каким-то синим цветом с глубокой красной жилкой внутри неизвестного мне сосуда.

Понятное дело, это и был чешский хрусталь, который «выкинули», то есть поставили на прилавок для продажи.

– Видите, как играет? – возбужденно сказал чей-то голос над моей головой.

– Не говорите. Просто вообще.

Хотя я ничего не понял из этого разговора, общий его смысл был мне понятен. Вдруг тот человек, который говорил

над моей головой, стал лихорадочно рыться по карманам и вытащил, к моему ужасу, толстую пачку денег, которую тут же стал пересчитывать прямо перед моим носом.

– Люся! Иди сюда! – заорал над моей головой его голос, и я совершенно машинально обнаружил, что денег у него было ровно двести пятнадцать рублей.

Но постепенно толпа стала рассасываться. Выяснилось вдруг, что все хотели просто так, совсем немного полюбоваться на это чудо природы, а деньги были далеко не у всех. Небольшая очередь, тем не менее, успела образоваться, я немного потоптался в ее хвосте. Посмотрел на толстый, уверенный в себе хрусталь, по которому продавец щелкал простым карандашом и давал всем послушать, и пошел себе дальше.

И тут я понял, что оказался в отделе игрушек. «Что ж это за магазин такой! – опять изумился я про себя. – Какие-то копи царя Соломона!»

Я быстро осмотрел все виды вооружений и транспорта, представленные в этом отделе, и вдруг наткнулся взглядом на настоящую немецкую железную дорогу!

Такая дорога, конечно, уже встречалась на моем жизненном пути – в застекленной витрине большого «Детского мира» на площади Дзержинского. Но там я даже и думать не смел, чтобы ее трогать, щупать и смотреть – столько там всегда толпилось народа и такая там была нервная атмосфера. Здесь же атмосферы не было никакой, и народа тоже было

немного.

– А у меня таких вагончиков знаешь сколько? – вдруг очутился рядом со мной маленький толстый мальчик, который, как и я, был почему-то без родителей.

Я не ответил, и тогда он решил окончательно добить меня, случайного встречного:

– Сто штук! Мне дедушка из-за границы привез!

Разговаривать мне с ним совершенно не хотелось, но и терпеть такую наглую похвальбу я тоже не мог.

– Сейчас как дам по башке, полетишь на горшке, – произнес я лениво и отошел на всякий случай подальше от этого странного типа.

Мальчик неожиданно заплакал. Он ревел все громче и громче, уже в полный голос, пока наконец к нему не подошла его мама. Она стала утешать своего бесценного мальчика, а я вдруг почувствовал, что тоже давно и безнадежно хочу увидеть свою несчастную мать, запертую в женском туалете вместе с моей курткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.